

ИЗУЧЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИИ В XX в.: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО НАРРАТИВА¹

Характеризуются основные трудности при изучении внутрироссийской миграции в XX в. На основе анализа трехчастного процесса миграции (факторы и мотивы – акт миграции – последствия) делается вывод о неизбежности первоочередного исследования агрегированной статистики, в том числе обобщенных сведений текущего учета и материалов переписей населения ввиду специфики доступных источников. Эти материалы, при всей их важности, разрознены и не всегда сопоставимы при определении миграционной динамики. Важнейшим недостатком имеющихся агрегированных источников является недостаток сведений о качественных характеристиках мигрантов, заложенный уже на этапе сбора информации. Дается оценка источникам об организованной миграции. Констатируется почти полное отсутствие миграционных исследований, основанных на номинативных источниках, способных существенно расширить представления о характере миграционных процессов в России – СССР в прошедшем столетии.

Ключевые слова: внутренняя миграция, Россия в XX в., историческая демография, переписи населения, текущий учет населения, организованная миграция.

С точки зрения целей любого исторического исследования исчисление *абсолютной численности* мигрантов, само по себе непростое, малопродуктивно, поскольку не позволяет судить о состоянии человеческого капитала в местах входа и выхода мигрантов и, соответственно, о динамике качественного развития территории. Между тем конвенциональные источники в сфере изучения отечественной миграции услужливо подталкивают историка к первоочередному изучению статистики численности мигрантов, лишь фрагментарно сообщая о прочих, не менее значимых параметрах миграции. Поэтому чрезвычайно важны любые характеристики, описывающие *состав* переезжающих. Если он напрямую не задается формуляром исследования (чаще всего именно так и происходит), исследователь вынужден отслеживать их

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет–2030».

косвенным путем – по имеющимся характеристикам населения, информации о заказчиках и организаторах исследования, либо характеристикам фондообразователя, если соответствующие сведения обнаружены в архивах.

При изучении миграции важно понимать, что она представляет собой трехчастный процесс (принятие решения – акт миграции – последствия миграции). Имея представление обо всех трех составляющих при изучении миграционных процессов, мы оказываемся в состоянии судить, кто и почему приезжает, в каком количестве и с какими результатами (на какой срок, степень адаптивности к новым условиям и т. п.).

Теоретически возможно, имея представление о местах выхода мигрантов, проанализировать *факторы* миграционной активности (и *мотивы* – на личностном уровне) для сопоставления с ситуацией в местах вселения. Это позволяет оценить, насколько в конечном счете оправдались ожидания переселенцев. В довольно немногочисленных работах, где изучается миграционный отток (как правило на сельском материале), используется иллюстративный нарратив, опирающийся на архивные сведения о политике властей, а также об экономических и социальных условиях в местах выхода мигрантов [Вербицкая, 1986; Горбачев, 2002; Никитаева, 1996 и др.]. Систематических исследований факторов миграционного оттока населения в зависимости от региона выхода не проводилось.

Изучение *последствий* миграции возможно на общем уровне (влияние на качественные характеристики населения, состояние трудовых ресурсов и т. п.) и индивидуальном (особенности адаптации). Для получения адекватных результатов необходимы сведения о качественных характеристиках населения в местах вселения с выделением контингента мигрантов. Исследования такого рода предпринимались социологами на отдельных территориях СССР, начиная с 1960-х гг. [см. напр. Зайончковская, 1972; Корель и др., 1988]. Ввиду крайней трудоемкости работы, рассредоточенности и фрагментарности доступных данных систематические сведения об этих процессах отсутствуют.

В результате, по причине информационной недостаточности материалов о причинах и последствиях миграции центр тяжести в миграционных исследованиях неизбежно переносится на изучение собственно *акта миграции*, где наиболее востребованной оказывается статистика.

В этой сфере ситуация также не внушает большого оптимизма. Статистика миграции населения, воспринимаемая как часть демографической статистики, на самом деле занимает в ней достаточно

маргинальное положение. Проблема в том, что показатели, обычно применяемые для исчисления населения, дают представление лишь об отдельных, не всегда важных сторонах миграционных процессов. Чаще всего оперируют показателем «механический прирост населения», позволяющим судить о вкладе мигрантов в общую численность населения, иногда с разбивкой по полу и редко – по возрасту.

Специалисты по миграции оперируют понятиями «потоки» и «контингенты» [см. подробнее: Доклад о миграции..., 2020]. Под первыми подразумеваются совокупности людей, совершающие акт миграции, под вторыми – недавние мигранты в постоянном населении. Данные о потоках формируются в ходе текущего учета населения, о контингентах – в результате переписей населения. Исторически сложилось так, что данные о контингентах доступны гораздо в большей степени, чем о потоках (не только в России, но и в мире). Причина – в проблемах *текущего учета* и доступности его материалов, т. е. сведений паспортных столов и отделов кадров предприятий. Именно такого рода данные были востребованы при изучении приживаемости новоселов в городах [Зайончковская, 1972].

Социологи использовали адресные картотеки, содержавшие листки «Прибытие» и «Убытие» на всех взрослых граждан. Преимущество подобных сведений в том, что помимо места выхода (и возможного вселения), имеется возможность выявления качественного состава мигрантов (пол, возраст, национальность, цель приезда). Последний показатель не был востребован по причине его очевидной условности (на работу, учебу, постоянное жительство или по семейным обстоятельствам). При статистической разработке таких материалов обычно учитывались данные о поле, возрасте, местах выхода и вселения, а также о детях до 16 лет, перемещавшихся вместе со взрослыми [Переведенцев, 1975, с. 43–47].

Следует иметь в виду, что текущий учет механического движения населения в стране был организован относительно поздно. Например, в Уральской области он был введен постановлением Уралоблисполкома с 1 августа 1925 г. [Журавлева, 2014, с. 190], и в 1932 г. был дополнен введением паспортной системы с институтом прописки.

Кроме того, изучение первичной информации текущей мобильности населения затруднено по следующим причинам:

1. Малый срок хранения листков прибытия и убытия (до пяти лет).
2. В листках фиксировались не только мигранты, но все, сменившие место жительства, в том числе в границах населенного пункта.
3. В системе текущего учета населения обычно гораздо лучше фиксируются прибытия, нежели убытия (которые не фиксируются,

либо фиксируются неопределенно). Для 1950-х гг. погрешность данных при выписке сами статистические органы определяли примерно в 5 %, хотя по более заслуживающим доверия оценкам она достигала 17 % [см.: Попов, 1996, с. 129–130].

Ввиду недоступности первичных материалов текущего учета исследователь неизбежно обращается к обобщенным данным. Они доступны в архивах в виде статистических разработок [см. напр.: ГАСО, ф. Р-1813, оп. 11], однако в них попадали только городские и паспортизированные сельские поселения. Отдельно выделялись города свыше 500 тыс. жителей (в уральских разработках фигурируют города Свердловск, Челябинск и Пермь). Данные по остальным вместе взятым городским поселениям области, края или республики, и всем сельским поселениям рассчитывались путем сплошной или неполной (случайной) выборки. Общая закономерность такова: чем больше число прибывших (выбывших), тем меньше выборка (при количестве от 20–30 тыс. – 50 %, от 50 тыс. – 20 %) [см.: Переведенцев, 1975, с. 45]. Статразработки содержат сведения о регионе выбытия мигранта, а также о том, из городской или сельской местности он прибыл (без указания населенного пункта). Из качественных характеристик доступны данные о распределении мигрантов по полу и возрасту.

Уже в первичных материалах текущего учета отсутствовали сведения о социальном положении, образовании, профессии и квалификации мигрантов. В. И. Переведенцев называет эту систему «убогой». Таким образом, сколько-нибудь полное выявление качественного состава мигрантов с использованием материалов текущей статистики невозможно.

К недостаткам учета добавим весьма прихотливую систему определения городских поселений (например, по правилам 1957 г., численность населения городов должна быть не менее 12 тыс. чел. с удельным весом рабочих и служащих не менее 85 % [О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов..., 1957]). Статус города присваивался административно, а такие решения запаздывали; в сфере подчинения горсовета нередко оказывались сельские поселения, плюс специфически советское изобретение «поселки городского типа», сопутствовавшие появлению совхозов при том, что во всем прочем они имели с городскими поселениями очень мало общего. Но именно по этим критериям нам предлагается разграничивать сельскую и городскую миграцию.

Дополнительным подспорьем могут служить данные единовременного учета возрастного и полового состава сельского населения по району области (края, республики) на 1 января каждого года, а также

балансы трудовых ресурсов (с начала 1960-х гг.). В них содержится информация о распределении рабочих, служащих, колхозников, а также остального занятого населения по отраслям; об учащих в возрасте 16 лет и старше, обучавшихся с отрывом от производства, о трудоспособном населении, занятом в домашнем и личном хозяйстве.

Еще одним источником сведений текущего учета являются отделы кадров предприятий. Ж. А. Зайончковская поделилась своим опытом использования документов отделов кадров при изучении миграции. Главным преимуществом подобного учета исследовательница считает обширные сведения о каждом работнике, позволяющие оценить качество и квалификацию рабочей силы. Допуск при анализе состоит в том, что поступление на работу либо увольнение связаны с миграцией, что далеко не всегда верно. Другая проблема видится в том, что отделы кадров фиксируют лишь состояние трудовых ресурсов, оставляя в стороне нетрудоспособные категории населения [Зайончковская, 1972, с. 34].

Основную информацию о *контингентах* мигрантов дают переписи населения. Данные о миграции присутствуют в материалах Всесоюзных переписей 1926, 1970 и 1979 гг. Особенностью переписи 1926 г. является то, что к мигрантам она причисляла всех неместных уроженцев, даже если они родились в другом уезде той же губернии. Таким образом, мигранты определялись по месту рождения опрашиваемого – это наиболее часто используемый в мировой практике показатель при изучении миграции. Недостатком такого подхода является то, что не фиксировались переезды из места рождения и обратно, время и количество переездов.

Преимуществом переписи 1926 г. в сравнении с переписью 1897 г. было более дробное административное деление страны (190 административных единиц вместо прежних 90) при существенно сократившейся территории государства. В результате места выхода мигрантов показаны гораздо точнее. Приводятся общие данные по месту рождения мигрантов (область, губерния, округ и т. п.), пол, текущее место жительства (село или город), продолжительность проживания в этом месте, а также состав рабочей силы и ее распределение по основным этническим группам и полу как в текущих границах СССР, так и по регионам Российской империи. Это едва ли не единственный случай, когда возможно прямое сравнение данных о миграции со сведениями предшествовавшей переписи (1897 г.).

Отсутствие миграционной статистики в переписях 1939 и 1959 гг. обосновывалось преимущественно или исключительно плановым характером миграции при социализме. Но даже при попытке сопоставления сведений «миграционных» переписей 1970 и 1979 гг. мы стал-

квиваемся с проблемой, что если в 1970 г. соответствующий вопрос формуляра касался смены места жительства в течение последних двух лет перед переписью, то в 1979 г. (как и в 1926 г.) – места рождения опрошиваемого. Причина особой формулировки 1970 г. состояла в стремлении выявить интенсивность миграционных перемещений в условиях активного оттока из села в город. Платой за новое знание оказалась несопоставимость данных с переписями 1926 и 1979 гг.

В материалах переписи 1970 г. доступны данные о городском либо сельском происхождении мигрантов для каждой административной единицы; оказывается возможным выявить миграционные потоки между городами различных размеров, определить интенсивность потоков город – город, село – город и город – село [Rowland, 1986, p. 123]. Переписи отчасти дают возможность определить интенсивность и миграционных *потоков*. Для этого данные о естественном приросте населения в конкретном регионе (баланс рождений и смертей) сопоставляются с общими данными об изменении численности населения, например, за период 1959–1970 гг. Таким образом, мы получаем показатели нетто-миграции (чистого миграционного прироста либо убыли). (Здесь следует оговориться, что рассчитать таким образом объемы послевоенной миграции по переписи 1959 г. в сравнении с 1939 г. невозможно ввиду фактора военных потерь, затеняющего все прочие данные).

Разновидностью миграционных контингентов являются *организованные мигранты* (оргнабор рабочих, сельскохозяйственное переселение, принудительные мигранты, т. е. репрессированные, а также эвакуированные в годы Великой Отечественной войны). Статистика организованного выбытия доступна в архивных материалах органов по сельскохозяйственному переселению и организованному набору рабочих и востребована исследователями. В основном анализировались регионы вселения организованных мигрантов (Пискунов, 2016; Чернышева, Бровцин, 2015, и др.). Как и в случае со стихийной миграцией, ситуация в районах выхода организованных мигрантов рассматривалась гораздо реже (см. напр. Вербицкая, 1986; Горбачев, 2003). Тема принудительных миграций активно разрабатывалась, а самыми известными исследованиями этого рода являются труды П. М. Поляна и В. Н. Земскова (Земсков, 2005; Полян, 2001). При анализе организованной миграции важно понимать, что она отражала официальные советские представления о миграции (плановое перемещение рабочей силы при социализме), формирующие соответствующий идеологический дискурс в том числе в документационном обеспечении организованной миграции. При этом доля организованных мигрантов в миграционном потоке, как правило, была не очень значительной.

Она составляла от 20 % и выше до войны и в первые послевоенные годы к примерно 10 % в 1950-е гг. с дальнейшей тенденцией к снижению. Поскольку сведения о количестве организованных мигрантов более доступны, чем о неорганизованных перемещениях (например, в послевоенный период), то с учетом их примерного представительства в общем миграционном потоке можно оценить общую интенсивность миграции для конкретного региона.

Наибольшую сложность для исследователя представляет изучение *маятниковой (сезонной) миграции*. Опосредованно о ней можно судить, например, по отчетам колхозов и сводным отчетам отделов сельского хозяйства «о количестве колхозников, работающих в государственных и кооперативных организациях». Почти отсутствует информация о маятниковых мигрантах из ближайших пригородов крупных городов, ежедневно совершающих поездки на работу, учебу или за покупками.

Итак, при формировании исследовательского нарратива о внутрироссийской миграции в XX в. исследователь постоянно вынужден решать для себя проблему неполноты статистических данных. Она особенно актуальна в отношении миграционных *потоков* и лишь отчасти компенсируется сведениями о *контингентах*. Как мы видели, данные переписей населения в этом отношении очень фрагментарны – как из-за отсутствия внимания к теме миграции у разработчиков переписей, так и по причине длительных межпереписных периодов. В наибольшей степени это касается важнейшего временного отрезка 1939–1959 гг.

Другая проблема – необходимость апеллировать исключительно к агрегированным, обобщенным данным. Удобные для анализа количественных сведений, они дают скудную и весьма избирательную информацию о качественных характеристиках мигрантов. С другой стороны, имеется очень немного номинативных источников, позволяющих реконструировать конкретные жизненные сюжеты. Неудивительно, что отечественная историография миграции обходит эту тему стороной. Удачной попыткой преодолеть сопротивление источников, перейти от изучения потоков и контингентов к индивидуальным историям российских мигрантов, от государства к личности следует считать работу американских историков Л. Сигельбаума и Л. П. Мох [Siegelbaum, Moch, 2014; об этой книге см. также: Горбачев, 2016]. Авторы широко используют письма во власть, дневники, мемуары, и даже художественную литературу.

Таким образом, опираясь преимущественно на статистику миграции, исследователь неизбежно вынужден играть по правилам историков-демографов. Но и это невероятно сложно, учитывая скудость

доступных данных. Если же мы пытаемся определить «человеческое лицо» миграции, то при обращении к источникам о качественных характеристиках миграции сталкиваемся с опасностью утраты общей картины; возникают проблемы с формализацией и верификацией доступных данных. Необходимы баланс и четкие представления об ожидаемых результатах.

Вербицкая, О. М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946–1958 гг. // *Вопр. истории.* 1986. № 12. С. 13–26.

Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг.: М. Наука, 1992.

Горбачев О. В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М.: Изд-во МПГУ, 2002.

Горбачев О. В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг. // *Вопр. истории.* 2003. № 2. С. 138–148.

Горбачев О. В. «Широка страна моя родная»: измерения российской миграции // *Quaestio Rossica.* 2016. Т. 4. № 3. С. 268–281.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1813. Свердловский областной комитет государственной статистики Государственного комитета РСФСР по статистике. 1934–1997.

Доклад о миграции в мире 2020 // Международная организация по миграции. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

Журавлева В. А. Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014.

Зайончковская Ж. А. Новоселы в городах М.: Статистика, 1972.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005.

Корель Л. В., Тапилина В. С., Трофимов В. А. Миграция и жилище. Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-е, 1988.

Никитаева Е. Б. Исчезающая деревня (1960 – середина 80-х гг.) // Судьбы российского крестьянства / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.

О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков : указ Президиума ВС РСФСР от 12.09.1957 // *Ведомости ВС РСФСР.* 1957. № 1. С. 3.

Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука. 1975.

Пискунов С. А. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940-х – 1980-х гг. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016.

Попов В. П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни) : дис. ... докт. ист. наук. М., 1996.

Полян П. М. История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001.

Чернышева Н. В., Бровцин А. В. Трудовые миграции населения Кировской области в 1945–1967 гг. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015.

Rowland R. H. Urbanization and Migration Data in Russian and Soviet Censuses // *Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / Clem R. S. (ed).* Ithaca : Cornell Univ. Press, 1986. P. 113–130.

Siegelbaum L., Moch L. P. Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2014.